

должен был стать гарантией устойчивости существующей формы политического режима. Но неограниченная власть дворянства над принадлежавшими ему крестьянами, отсутствие у него «крепости» в пользу государства в форме обязательной службы, наконец, стремление к дальнейшему расширению привилегий и активное противодействие любым невыгодным переменам в своем положении, исходящим со стороны государственной власти («серальная» революция, возведшая на престол Александра I), — все это не могло не привести к застою. Французская революция и события, непосредственно ей предшествовавшие, показали, что строптивость первого сословия может вызвать куда более серьезные последствия, чем просто дворцовый переворот. Еще летом 1791 года А. Р. Воронцов в записке, поданной А. А. Безбородко по поводу французской революции, отмечал: «Если сей образ правления и мнимаго равенства хоть тень окоренелости во Франции примет, оно будет иметь пагубныя следствия и для прочих государств и правительств и с тою только разностию, что в одном ранее, а в другом позже». Годом позже аналогичное высказывание мы встречаем в письме русского посла в Лондоне С. Р. Воронцова: «Как я вам и говорил, это война на смерть между теми, кто ничего не имеет, и обладающими собственностью, а т.к. эти последние в меньшинстве, нужно ожидать, что они погибнут. Зараза будет всеобщей. Наша удаленность спасет нас на некоторое время; мы будем последними, но мы будем также жертвами этой эпидемии».

Логическим продолжением таких мыслей и стала политика преобразований, или, говоря современным языком, перестройка общественной системы.

По мнению М. М. Сафонова, суть реформаторской деятельности царизма на рубеже XVIII и XIX веков заключалась в попытке стабилизации политического режима в стране путем претворения в жизнь наиболее умеренных идей французского Просвещения (и это в условиях отмеченного «кризиса мысли»!). Автор уделил большое внимание процессу формирования политического сознания будущего императора Александра I. Обнаруженные М. М. Сафоновым новые архивные материалы позволяют судить о степени увлечения Александра в юношеском возрасте идеями французской просветительской мысли и революции, восторженное отношение к которой он сохранял на протяжении ряда лет уже после падения якобинской диктатуры, продолжая именовать себя якобинцем и сторонником эгалитаристских идей равенства состояний, а также республики без наследственного дворянства.

Конечно, здесь можно упрекнуть автора в определенной идеализации. Чрезмерный радикализм будущего императора — что это? След, оставленный в своем воспитателе швейцарцем Ф.-Ц. Лагарпом, которому Александр, по собственному признанию, был обязан «всем, кроме рождения», или следствие страстного стремления юношеского сердца к осуществлению «всеобщего блага», понимаемого им достаточно абстрактно? Однако в искренности его намерения реформировать Россию сомневаться не приходится. Открытый М. М. Сафоновым дневник Алек-

сандра позволяет утверждать, что у него имелась далеко идущая программа реформирования общества, в том числе постепенной ликвидации крепостного права. Теоретическим ориентиром в осуществлении реформ была концепция «истинной монархии» Монтескье с ее фундаментальными законами, вытекающими, по выражению самого императора, из «слишком известных прав человека».

Автор подробно исследует ту непростую обстановку, в которой приходилось действовать императору, анализирует и причины неудач его реформаторской деятельности, которая свелась в конце концов к укреплению единоличной власти. Так было положено начало превращению великого, по замыслам, реформатора в «великого монарха», восстановившего и укрепившего былой абсолютизм.

Н. Кирющенко.

★

НАСЕЛЕНИЕ СССР. 1987. М. «Финансы и статистика». 1988. 440 стр.

Подготовленный Информационно-издательским центром Государственного комитета СССР по статистике сборник необычен, потому что содержит показатели (например, поло-возрастной состав), которые долгие годы хранились за семью печатями. Особенность сборника и в том, что он охватывает продолжительный период—1913—1987. Можно утверждать, что за сухими цифрами, их динамикой скрывается жизнь практически всех поколений советских людей.

Книга открывается таблицами общей численности населения страны начиная с 1897 года, года первой Всероссийской переписи. За последующие девяносто лет население страны возросло со 125 до 282 (1987) миллионов человек.

Между датами переписей разные временные интервалы. Одни из них объясняются войнами (две мировых, гражданская), другие... Что сказать о других, когда к ним относятся 1926—1939 годы (такой вот огромный интервал)? Статистика роста населения страны в эти годы хранит зловещее молчание. 1939 год выглядит в таблицах вполне благопристойно. Встает, однако, вопрос: насколько можно верить приведенным показателям? Ведь позади были и 1929—1933, и 1937—1938 годы. Позади были и аннулированные Сталиным результаты «забракованной» переписи населения 1937 года.

Многочисленные таблицы дают представление о численности населения по союзным и автономным республикам, краям, областям, экономическим районам. Отражена доля городского населения, которая возросла с 18 процентов в 1913 году до 33 процентов в 1940-м и 66 — в 1987 году. Интересны данные о распределении городов по числу жителей. Они ясно свидетельствуют о процессе концентрации населения в крупных и крупнейших городах, доля которых в общем числе городов относительно невелика. В сборнике приведены сведения о городах с населением 50 и более тысяч жителей. За основание отбора приняты данные 1971 года, что, естественно, искажает современ-

ную картину: за истекшее двадцатилетие в число пятидесятитысячников вошло немало новых городских поселений.

Конечно, всегда важны и интересны данные о соотношении мужчин и женщин. Если в 1897 году на долю сильного пола приходилось 49,8 процента, а в 1940 — 47,9, то в 1987-м (хотя война уже давно позади) лишь 47 процентов. Выдвинутый когда-то профессором Б. Ц. Урланисом призыв «берегите мужчин!» остается в силе.

Национальный состав населения (по стране и союзным республикам) приведен по данным переписи 1979 года, а социальные показатели — на 1987 год. На эту дату рабочие и служащие составили 88 процентов населения СССР. Конечно, внутренняя дифференциация этой социальной группы достаточно широка, и требуется ее детальная расшифровка.

В книге много таблиц, отражающих ход воспроизводства населения (рождаемость, смертность, естественный прирост, соответствующие коэффициенты) по СССР, республикам, регионам. Эти важные показатели дополнены подробно разработанными материалами по бракам и разводам, абортам и младенческой смертности, причинам смерти. Такие показатели в общем и региональном разрезе долгие десятилетия у нас не публиковались.

Заключительный раздел книги позволяет сравнить многие демографические показатели нашей страны с соответствующими пока-

зателями других государств. Раздел так и называется — «Международные сравнения». Чувствуется, что он прямо направлен на то, чтобы мы не убаюкивали себя долгое время распространившимся мнением, будто в демографическом отношении у нас все хорошо. Увы, это не так.

Ожидаемая продолжительность жизни в СССР 69 лет (64 для мужчин, 73 года для женщин), в то время как соответствующий показатель в Болгарии — 71, ГДР — 72, США — 75, Японии — 78, Венесуэле — 71 год... Коэффициенты младенческой смертности в 1986 году составили: в СССР — около 25 умерших в возрасте до 1 года детей на каждую тысячу родившихся, в Болгарии — 15, в США — 10, в ГДР — 9, в Швеции — 6, в Японии — 5... Есть над чем задуматься.

Сборник не лишен недостатков. Кроме уже упомянутых, следует указать на нехватку в нем относительных показателей, что заставляет читателя постоянно прикидывать в уме процентные соотношения. И все же Госкомстат сделал огромный и принципиальный шаг вперед. Это позволяет надеяться, что по мере разработки данных переписи населения 1989 года они станут достоянием широкого круга лиц, практически нуждающихся в демографических сведениях. Да что говорить — эти материалы нужны и каждому цивилизованному человеку.

Ю. Дмитриевский,
доктор географических наук, профессор.